

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПРАВА НАРОДОВ. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Илья Исакович Аминов

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, кандидат психологических наук
E-mail: aminovii@mail.ru

Константин Георгиевич Дедюхин

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук
E-mail: dedyuhinkg@yandex.ru

Алла Рэмовна Усиевич

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент
E-mail: iji-mail@mail.ru

Правовая культура семейно-брачных отношений удмуртов в Российской империи

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового регулирования семейно-брачных отношений в удмуртской общности в имперский период развития Российского государства (XVIII – начало XX в.). Исследованы исторические и литературные источники, архивные и статистические данные, свидетельствующие о сложившихся в то время обычаях регулирования семейно-брачных отношений, сохранявшихся у удмуртов долгое время. Изучены процессы развития общественных институтов удмуртского социума в указанный исторический период. Раскрывается обусловленность их регулирования обычным правом наряду с официальным законодательством Российской империи и каноническим правом.

Ключевые слова: семейно-брачные отношения, сельская община, обычное право, общинные нормы и традиции, национально-этнические обряды, правовой статус семьи и ее членов.

Ilya Isakovich Aminov

Associate Professor of the Department of state and legal disciplines of the Izhevsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Candidate of psychological science

Konstantin Georgievich Dedyukhin

Associate Professor of the Department of state and legal disciplines of the Izhevsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Candidate of legal science

Alla Removna Usievich

Professor of the Department of state and legal disciplines of the Izhevsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Candidate of legal science, Associate Professor

Legal Culture of the Family and Marriage Relationships of the Udmurts in the Russian Empire

Annotation: *the article considers some features of legal regulation of family relations in the Udmurt community in the Imperial period of development of the Russian state (XVIII – early XX century). Researched historical and literary sources, archival and statistical evidence of existing customs regulation of the family relations shown by the Udmurts for a long time. One has studied development processes of the public institutions of the Udmurt society in this historical period. One reveals the dependence of their regulation by customary law along with the official laws of the Russian Empire and canonical law.*

Keywords: *family and marriage relations, rural community, customary law, community norms and traditions, national-ethnic rituals, legal status of the family and its members.*

Изучение правовых основ мировой культуры семейно-брачных отношений, их этнических и ментально-культурных особенностей позволяет получить адекватное представление о социальной жизни удмуртского народа и его поступательном движении к своей государственности.

Кроме того, развитие современного семейного законодательства нельзя рассматривать в отрыве от правового регулирования семейно-брачных отношений в их исторической ретроспективе под влиянием тех или иных политических, государственно-правовых, социально-экономических, географических, природно-климатических, национально-культурных и иных условий и факторов.

Присоединение удмуртских земель к Русскому государству началось в XV в. с северо-удмуртских территорий и полностью завершилось после завоевания Иваном Грозным Казани (1552 г.), когда южные удмурты вошли в состав Российского царства и все группы удмуртского этноса оказались в рамках единого государства (1557–1558 гг.). К этому времени удмурты в течение многих веков жили в условиях разложения родоплеменных отношений и функционирования сельской общины, происходящих неравномерно в северных и южных удмуртских землях.

Наличие обычного права у удмуртов являлось следствием жизнедеятельности самодостаточной сельской общины и выражало самоуправленческий характер крестьянской общинной жизни, кровнородственную зависимость удмуртов от природного и социального окружения.

Удмуртская поземельная соседская община (удм. *бускель*), основная социальная ячейка традиционного удмуртского общества, представляла собой сообщество семейных коллективов селения. Внутри общины каждый человек должен

был подчиняться установлениям и обычаям сельского мира, которые полностью регулировали организационно-статусное и социально-экономическое состояние семьи, обеспечивали духовную защищенность перед силами природы¹.

Все необходимые институты регулирования жизнедеятельности находились под управлением общинных органов власти. Главным из них был общинный сход домохозяев — *кенеш*, который в удмуртских деревнях выполнял также функции основного фактического судебного института, куда, как и на сход, по особо важным вопросам созывались все домохозяева. Община-бускель была важнейшим институтом реализации норм обычного права, юридических воззрений и представлений крестьян удмуртской деревни².

Для удмуртов, как и для любого аграрно-общинного социума, семья была абсолютной ценностью. В семье происходило воспроизводство самой жизни и создавались материальные условия, обеспечивающие ее существование³. Удмуртская семья воспроизводила структуру сельской общины, что выражалось в соответствующих формах взаимоотношений с иерархией по возрасту, полу, семейному положению.

Удмурты чрезвычайно дорожат своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников. У них высокая культура межличностных отношений. Издавна самым тяжким преступлением считалось инициирование вражды и ссор⁴.

Общинные семейно-брачные обычаи устанавливали условия и порядок заключения брака среди удмуртов, причины его расторжения, взаимоотношения супругов, традиции воспитания детей. Неженатый мужчина не мог быть полноценным представителем удмуртской сельской общины. Жрецом выбирали только женатого мужчину, т. к. он мог провести обряд жертвоприношения лишь совместно с женой.

В документах XVII в. зафиксирован сложившийся у северных удмуртов обычай закрепления за женихом сразу нескольких невест (*свестей*)⁵.

Подобная практика заключения брачных договоров, сложившаяся на основе обычного права, гарантировала создание новой семьи. Обработка сведений переписи 1716—1717 гг. показала, что в браке состояло 76, % удмуртского населения старше 15 лет⁶.

В исследовании советского историка, профессора Московского университета М. О. Косвена (1885—1967 гг.) раскрываются семейные статусы мужчины как главы удмуртской семьи, мужа, отца, общинника, представителя

¹ См.: Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск, 2002. С. 77.

² См.: Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX — начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998.

³ См.: Гришкина М. В. Семья как хозяйственная единица и транслятор нравственных ценностей удмуртского крестьянства (XVII — первая половина XIX в.) // Вестник удмуртского ун-та. 2010. Вып. 3. С. 32.

⁴ См.: Крысько В. Г. Этническая психология. М., 2008.

⁵ См.: Гришкина М. В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в XII — первой четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII — первой половине XIX века. Ижевск, 1981. С. 80.

⁶ См.: Гришкина М. В., Берестова Е. М. Колонизационные процессы расселения этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XV — первой половине XVIII века. Ижевск, 2006. С. 72.

дворохозяйства, земледельца, добытчика, а также женщины — матери, хозяйки, жены-помощницы мужа, имевшей равноправное положение с главой семьи в различных областях жизни и быта¹.

Семья возглавлялась большаком, роль которого не обязательно принадлежала самому старшему в семье: это мог быть сын главы семьи или другой мужчина, отличавшийся сноровкой и сметливостью.

Традиционно в семейных отношениях у удмуртов многое решал семейный совет, поэтому власть большака и большухи не возрастала до деспотизма. По сведениям российского историка и этнографа И. Н. Смирнова (1856—1904 гг.), глава семейства сохранял старшинство до тех пор, пока управлял семьей согласно ее интересам и сам работал впереди всех. Как только он начинал растрчивать семейное достояние или лениться, его сменяли².

Говоря о статусе женщины и жены в удмуртской семье, М. О. Косвен отмечал, что удмуртская женщина «с изумительной стойкостью сумела сохранить свое равноправие и независимое положение в различных областях жизни и быта, она никогда не знала приниженного и полурабского состояния». Однако равноправие женщины в удмуртской общине было все же ограниченным. Женщине нередко становилась равноправной с мужчиной в празднично-обрядовой сфере жизни, но в личных отношениях оказывалась зависимой от мужа: только муж имел право на развод. Она была отстранена от участия в жизни общины и не допускалась на общинные сходы.

Существовал запрет на вступление в брак лицам, состоящим в определенной степени родства, т. к. в удмуртском обществе, разделенном на родовые группы, имела место строгая экзогамия³. А поскольку по соседству селились родственники, с которыми запрещалось вступать в брачные отношения, невесту чаще искали в другой деревне, руководствуясь правилом: «*чынзы медаз сурастьки*» — «чтобы дым из печных труб жениха и невесты не смешивался»⁴.

Довольно распространенным и долгое время сохраняемым обычаем у удмуртов был увоз (похищение) невест, что также было связано с экзогамией.

С вхождением удмуртов в состав России традиционное регулирование их семейно-брачных отношений обычным правом должно было уступить требованиям закона Российского государства. При этом при всех преимуществах официального законодательства, таких как упорядоченность и конкретность, по сравнению с неписаными народными обычаями в нем было немало неясностей и противоречий. В то же время процесс оформления законодательства в Российском государстве происходил не без определенного влияния обычного права. К тому же в некоторых случаях в волостном судопроизводстве допускалось применение местных юридических обычаев⁵.

¹ См.: Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов // Ученые записки Научно-исследовательского института народов Сов. Востока при ЦИК СССР. На удмуртские темы. Вып. II. Москва, 1931. С. 5—35.

² См.: Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1890.

³ См.: Загребин А. Е. Финны об удмуртах. Ижевск, 1999.

⁴ См.: Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск, 1984.

⁵ См.: Ефремов А. В. Обычно-правовая характеристика взаимоотношений в марийской крестьянской семье XVIII—XIX вв. // Семья, брак и родительство в современной России / отв. ред. Т. В. Пушкирева и др. М., 2014.

Как земледельцы удмурты были заинтересованы в увеличении семьи, в приобретении подобным образом рабочей силы, в том числе в лице здоровой, взрослой, физически крепкой невестки-работницы. С учетом производственно-хозяйственной необходимости старый удмуртский обычай предписывал женить малолетних мальчиков на взрослых девушках.

На основе фактических данных переписных книг конца XVII в. вятский краевед, доктор исторических наук П. Н. Луппов (1867–1949 гг.) сделал вывод о том, что в местах проживания северных удмуртов 4 % лиц мужского пола в возрасте от двенадцати до семнадцати лет были женаты.

В 1731 г. в период правления императрицы Анны Иоановны началось массовое обращение удмуртов в христианство, в результате чего традиции, обряды и обычаи удмуртов, формализующие и закрепляющие, в том числе семейно-брачные отношения, подверглись сильному воздействию канонического права. Запрещались обычаи, которые могли привести к кровосмешению свекра со своими снохами. С точки зрения православной церкви снохачество представляло собой кровосмешение (инцест) не по родству, а по свойству и осуждалось как грех.

Несмотря на проповеди духовенства и запрещение таких браков законом, обычай женить малолетних мальчиков на взрослых невестах вплоть до конца XIX — начала XX в. существовал среди удмуртов, которые «усердно домогались дозволения их подарками и обманом, скрывая возраст брачующихся, и т. д.»¹.

В традиционном брачно-семейном укладе удмуртов имели место и другие обычаи, вступающие в противоречие с официальным законодательством и каноническим правом.

Знаменитый российский историограф Г. Ф. Миллер (1705–1785 гг.), путешествовавший среди удмуртов и марийцев в XVIII в., описал случаи многоженства. Кроме того, он отмечал, что «токмо есть у них обыкновенно, что оставшуюся по смерти большого брата во вдовстве жену берет за себя меньшей брат, но большому брату в таком же случае того делать не позволяется. Они особливо любят жениться на двух или трех сестрах по одиночке. В Казанском уезде Вотяцкий сотник, именем Кашерка, женился, хотя не по правилам, однако в одно время на двух сестрах, которые и поныне живут с ним»².

Кроме того, наличие в удмуртской среде отдельных архаичных элементов группового брака выражалось, как показал И. Н. Смирнов, в частности, и в относительной свободе добрачных отношений, которая существовала в удмуртской сельской общине вплоть до начала XX в. Аргументируя это утверждение, он писал: «Все наблюдатели вотского быта единогласно свидетельствуют, что девушки пользуются у вотяков безграничной свободой в своих отношениях с мужчинами. “Парень девушку не любит, — говорит вотская пословица, — бог не любит”. В силу такого рассуждения родители игнорируют

¹ Матвеев П. А. Вотяки // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: <http://old.museum-murom.ru.swtest.ru/page.html?pid=216> (дата обращения: 11.03.2015).

² Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. URL: <http://сувары.рф/ru/book/export/html/715> (дата обращения: 10.03.2015).

поведение дочерей, а жених не только мало заботится о девственности невесты, но, как утверждают некоторые наблюдатели, бывает даже в претензии на невесту, которая сохранила ее... Если последствием внебрачной любви является беременность, девушка не теряет, а выигрывает в общественном мнении, она получает массу предложений от женихов, т. к. дала доказательство способности производить детей»¹. Такую свободу И. Н. Смирнов связывал, прежде всего, с сохраняющимися пережитками языческого мифологического мировоззрения удмуртов, которые верили в глубокую связь человека с природой и считали, что интенсивная сексуальная деятельность в период роста, цветения и созревания хлебных посевов является магическим средством, способствующим плодородию земли и урожаю хлебов.

К концу XIX в. в удмуртском языке еще не сложилось слов, которые обозначали бы кровные отношения между людьми, произошедшими от одних, известных родителей (брат, сестра, дядя, племянник и т. д.). Язык давал выражения для группирования членов семьи по возрастам. Так, слова «*нюня*» и «*агай*» означали вообще мужчину старшего по возрасту — будь то по русской терминологии старший племянник, старший брат, дядя и в некоторых случаях даже отец; слово «*вын*» означало мужчину, младшего по возрасту — младшего брата, младшего племянника; «*апай*» и «*акай*» — женщину, старшую по возрасту — старшую сестру, тетку, старшую племянницу; «*сузэр*» — женщину моложе по возрасту — младшую сестру, младшую племянницу.

В семье как микроячейке общества наиболее традиционно-устойчиво сохранялись многие явления культурно-обрядовой жизни удмуртов, в том числе и юридического содержания, особо важную роль, среди которых для семьи играло оформление брачных отношений по обычно-правовым нормам. Как уже было сказано выше, несмотря на принятое христианское вероисповедание, удмурты при заключении браков нередко продолжали руководствоваться обычным правом, а не церковными нормами, которые в данном случае полностью совпадали с государственными узаконениями. В связи с этим можно обратить внимание на роль общины в заключении браков. Само исполнение свадебных семейных обрядов в принципе представляло собой единый, нормированный, строго соблюдаемый регламент, где каждый участник знал свое место и роль в совершении действия и был не вправе их нарушать.

Уклонение удмуртов от венчания, как правило, было вызвано тем, что за церковный обряд необходимо было платить. Заключение брака иногда препятствовала поэтапная выплата женихом выкупа за невесту, в то время как венчание назначалось после полного погашения выкупа, который составлял от 3 до 15 рублей. Кроме того, препятствием церковного освящения брака нередко являлось то, что вступающие в брак еще не достигли брачного восемнадцатилетнего возраста.

Браки, согласно языческому укладу их быта, совершались по общепринятому обычаю: невеста проживает некоторое время со своим женихом, а потом они уже венчаются в церкви. При таком взгляде на брак венчание совершается по рождению невестой «дитяти или же в периоде беременности». При

¹ Смирнов И. Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. X. Казань, 1890. С. 132–133.

этом внебрачное сожителство молодых людей опиралось на племенной обычай «брать невесту в дом для испытания ее характера и способности к деторождению».

Таким образом, у удмуртов после их вхождения в состав России регулирование семейно-брачных отношений происходило преимущественно на основе норм обычного общинного права, которое нередко вступало в противоречие с законодательством Российской империи и каноническим правом.

Использование в удмуртской среде норм обычного права в регулировании семейно-брачных отношений и сохранение отдельных семейно-брачных пережитков имели место на протяжении XVIII–XX столетий, вплоть до начала советского периода в истории Российского государства.

Пристайный библиографический список

1. Александров, Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук / Ю. В. Александров. – Ижевск, 1998. – 238 с.

2. Гришкина, М. В. Семья как хозяйственная единица и транслятор нравственных ценностей удмуртского крестьянства (XVII – первая половина XIX в.) // Вестник Удмуртского ун-та. – 2010. – Вып. 3. – С. 32–41.

3. Загребин, А. Е. Финны об удмуртах: финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. / А. Е. Загребин. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – 185 с.

4. Смирнов, И. Н. Вотяки: историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань, 1890. – 354 с.

5. Христолюбова, Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления) / Л. С. Христолюбова. – Ижевск : Удмуртия, 1984. – 128 с.

References

1. Alexandrov, Yu. V. Obychnoe Pravo Udmurtov (XIX – nachalo XX v.) : dis. ... kand. ist. nauk [Customary Law of the Udmurts (XIX – early XX century) : dis. ... candidate hist. science] / Yu. V. Alexandrov. – Izhevsk, 1998. – 238 p.

2. Grishkina, M. V. Semya kak Khozyaystvennaya Yedinita i Translyator Nravstvennykh Tsennostey Udmurtskogo Krestyanstva (XVII – Pervaya Polovina XIX v.) [The Family as an Economic Unit and the Translator of the Moral Values by the Udmurt Peasants (XVII – First Half XIX Century)] // Vestnik Udmurtskogo un-ta. – 2010. – Vyp. 3. – P. 32–41.

3. Khristolyubova, L. S. Semeynyie Obryady Udmurtov (Traditsii i Processy Obnovleniya) [Family Rites of the Udmurts (Traditions and Renewal Processes)] / L. S. Khristolyubova. – Izhevsk : Udmurtiya, 1984. – 128 p.

4. Smirnov, I. N. Votyaki: Istoriko-Etnograficheskiy Ocherk [The Votyaks: A Historical-Ethnographic Essay] // Izvestiya Obshhestva Arkheologii, Istorii i Etnografii pri Imperatorskom Kazanskom Universitete. – Kazan, 1890. – 354 p.

5. Zagrebin, A. E. Finny ob Udmurtax: Finskie Issledovateli Etnografii Udmurtov XIX – Pervoj Poloviny XX v. [The Finns about the Udmurts.; Finnish researchers of the Udmurts' Ethnography of XIX – First Half of XX Century.] / A. E. Zagrebin. – Izhevsk : UIIYaL UrO RAN, 1999. – 185 p.